

А.Ф. Гильфердинг

**Остатки славян на Южном берегу
Балтийского моря**

**Этнографическій сборникъ, издаваемый
Императорскимъ Русскимъ Географическимъ
обществомъ. Выпускъ V. СПб, 1862**

- A11 **А.Ф. Гильфердинг**
Остатки славян на Южном берегу Балтийского моря: Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим обществом. Выпуск V. СПб., 1862 / А.Ф. Гильфердинг – М.: Книга по Требованию, 2024. – 194 с.

ISBN 978-5-458-27636-8

Остатки славян на Южном берегу Балтийского моря В 1856 г. Гильфердинг, в сопровождении кашубского этнографа Флориана Ценовы, предпринял путешествие в Западную Пруссию и Померанию, в область кашубов и объехал селения кабатков и словинцев, исследуя их говоры и собирая лингвистические материалы. В результате появилась книга: А. Гильфердинг, "Остатки славян на южном берегу Балтийского моря" (СПб., 1862). Книга содержит в себе очерк этнографии и языка кашубов и словинцев, включает словарь наиболее употребимых словинцами и кашубами слов, даёт примеры наречий этих народностей. Тематически и хронологически работа примыкает к работам Гильфердинга по истории балтийских славян, которые составили IV-й, наиболее известный, том его сочинений, однако в собрание сочинений не попала, возможно из-за того, что V-й том этого собрания так и не был издан ...

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

бенною предупредительностью. Тутъ имѣлъ я также удовольствіе встрѣтить ученаго Русскаго и Славяниста, И. И. Паплонскаго, который, также какъ я, пожелалъ увидѣть Кашубскій край, но, къ сожалѣнію, могъ только чрезъ него проѣхать. Наговорившись вдоволь съ умнымъ и наблюдательнымъ пасторомъ и съ тѣми изъ Гловчицкихъ поселянъ, которые еще не забыли Славянскаго языка, я пошелъ въ с. Смолдзины и Гарну, гдѣ прожилъ почти недѣлю. Изъ Гарны я рѣшился повернуть къ востоку и идти, параллельно морскому берегу, до Пуцкаго залива и Гельской косы. По этой дорогѣ посѣтилъ рыбацкія избышки, построенныя на болотѣ у Лебскаго озера и называемыя Клѣки или Ключки, село Избицу, приморскій городъ Лебу, с. Сорбско, Осѣкъ, Вержхудино, Жарновець (Zarnowitz), Кроковъ, Своржево (Schwarschau). Посѣщеніемъ городка Пуцка и рыбацкихъ селеній (Халѣпѣ ¹⁾) на Гелѣ кончилось мое небогатое впечатлѣніями природныхъ красотъ путешествіе. Изъ Пуцка я по большой дорогѣ спокойно возвратился въ Данцигъ.

Во время этой поѣздки я собралъ довольно много этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ. Большаго интереса все это представить не можетъ; но все-таки для насъ должно быть любопытно и дорого всякое свѣдѣніе, касающееся Славянскаго міра, даже въ самыхъ отдаленныхъ и заброшенныхъ его углахъ; притомъ же Кашубская рѣчь, особенно въ Помераніи, гдѣ ея типъ сохранился чище и гдѣ она заключаетъ въ себѣ наиболѣе своеобразныхъ формъ и словъ, любопытныхъ для филолога, такъ быстро вымираетъ, что черезъ двадцать или тридцать лѣтъ она, быть можетъ, тамъ загложнетъ вовсе.

I.

Этнографическій обзоръ.

Кашубы и Словинцы Прибалтійскіе занимаютъ сѣверную и западную половину Гданской области (Regierungsbezirk Dan-

(¹) Т. е. халуны.

zig), составлявшей нѣкогда Польское Поморье, и восточную часть Кёслинской области (1) (Regierungsbezirk Coeslin) въ Померани.

Въ Гданской области они населяютъ сплошь округи Вейеровскій (Neustädter Kreis) и Картузскій (Carthausener Kreis). Первый составляетъ сѣверную оконечность этой области и прилегаетъ съ сѣвера и запада къ морю; къ востоку онъ граничитъ съ Помераніею, къ югу съ Картузскимъ округомъ. Въ немъ главное средоточіе Кашубовъ. Только юго-западная оконечность его, около станціи Каць, въ двухъ миляхъ на сѣверъ отъ Данцига, занята Нѣмцами. Картузскій округъ принадлежитъ весь Кашубамъ, кромѣ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ колоній, водворенныхъ въ срединѣ его, около Келпина, и на западѣ, около Пржеазна (Rheinfeld). Нѣкоторыя деревни на окраинѣ Данцигскаго округа, прилегающей къ округу Картузскому, также заселены Кашубами. На югъ отъ Картузскаго округа, округъ Косцержинскій (Kreis Behrendt), занятъ Славянами, но тутъ Кашубская рѣчь мало-по-малу сливается съ Великопольскою. Сѣверная и западная половина этого округа принадлежитъ болѣе Кашубскому говору, южная и восточная — Польскому. Въ самомъ городѣ Косцержинѣ особенно замѣтно это сліяніе: онъ какъ будто находится на пограничной чертѣ обоихъ нарѣчій. Лежащій на юго-востокъ отъ Косцержинскаго округа, округъ Старгардскій уже чисто Польскій (за исключеніемъ Нѣмецкихъ поселеній); но на юго-западѣ, въ округѣ Хойницкомъ (Conitz) (2), черта Кашубской рѣчи, хотя уже теряющей все болѣе и болѣе свои особенности, тянется далеко къ югу, до самаго города Хойницы. — Мы опредѣлили такимъ образомъ восточную и южную границу Кашубовъ; опишемъ теперь западную границу, идя съ юга, отъ Хойницы, на сѣверъ. Кашубы занимаютъ сѣверозападную

(1) Словинцы называютъ Coeslin — Kozzáleno, Данцигъ — Dgunsk или Udgunsk, Stolpmünde — Uase, Rügenwalde — RAwud, Schlawe — Slóvno, Schönwalde — Száno.

(2) Въ области Мариенвердерской.

половину Хойницкаго. и прилегающіе къ нему съ запада приходы Конаржинскій и Боржисковскій Челоховскаго округа (Schlochauer Kreis). Затѣмъ мы изъ западной Пруссіи (Westpreussen) вступаемъ въ Померанію. Здѣсь Кашубамъ недавно еще принадлежалъ юговосточный уголь, именно округъ Бытовскій, но только слабые остатки ихъ сохранились тамъ (впрочемъ, почти во всѣхъ деревняхъ этого края), ежедневно исчезая.

На сѣверъ отсюда, въ округъ Лауенбургскомъ, Кашубы живутъ въ узенькой окраинѣ, прилегающей къ западной Пруссіи, именно въ деревняхъ: Ракитке (Rakitt), Глѣсплице (Gliespitz), Вучково (Wutzkow) (1), Шѣмеровице (Schimmerwitz), Бѹковина (Bukowina), Лебунье (Labuhn), Вѹсево (Wussow), Пѹпово (Porrow), Дзенцелице (Dzincelitz), Восѣкъ (Osseck), Ловчъ (Lowitz), Ежево (Jezow), Парашено (Paraschin), Божеполе (Bozerol). За Божеполемъ Нѣмецкія поселенія достигаютъ до самой границы западной Пруссіи и занимаютъ пограничный съ ней Померанскій приходъ Свислено (Schwesslin). Сѣвернѣе, опять находимъ двѣ пограничныя Померанскія деревушки, Бисмаркъ и Ребинке (Ribienke), въ которыхъ еще уцѣлѣла Кашубская рѣчь. Далѣе на сѣверъ, пограничный приходъ Гнѣвинскій (Gnewin) сдѣлался совсѣмъ Нѣмецкимъ; но въ самомъ крайнемъ на сѣверо-востокъ приходѣ Померанскомъ, Осѣкскомъ, на побережьѣ Балтійскаго моря, еще живетъ Кашубскій языкъ, именно въ деревняхъ Осѣки (Ossecken), Старбенино (Sterbenin), Слухова (Schlochau), Вержхуцино, Бѣлогоро (Wittenberg) и Пьосница (Piasnicz).

Отсюда мы должны повернуть на западъ и найдемъ Кашубскую рѣчь въ прибрежной полосѣ, тянущейся на западъ до Гардненскаго озера (Gardensee): это сѣверная, приморская часть нѣлаго Лауенбургскаго и восточной половины Столп-

(1) Эти три деревни принадлежатъ къ Столпскому округу, который здѣсь вдался клиномъ между Бытовскимъ и Лауенбургскимъ и доходитъ до самой западной Пруссіи.

скаго округа. Ширина этой полосы — отъ полъ-мили до двухъ и двухъ съ половиною миль отъ морскаго берега. Мѣста, въ которыхъ еще сохранилась, хотя въ слабыхъ остаткахъ, Славянская рѣчь, суть слѣдующія, идя съ востока на западъ:

1) Между границею западной Пруссiи и рѣкою и озеромъ Леба: с. Osek съ упомянутыми уже пятью деревнями; дер. Lebietovo (Lüptow), Koscerzenka (Koszireinke), Коралена (Korpalin).

.	Dennewitz,
Biebrovo	(Bebbrow),
Stavúszevo	(Schlaischow),
Jáckowo	(Jatzkow),
.	(Chottschewke),
Kúrovo	(Kurow),
Czekóceno	(Zakenzin),
Sáseno	(Sassin),
Uljanie	(Uhlingen),
Bargądzeno	(Bergensin),
Roszczice	(Roschitz),
Strzézovo	(Stresow),
Mászevo	(Massow),
Zdrzévno	(Zdrewen),
Kȯponovo	(Koppenow),
.	(Scharzschow),
Vick	(Vietzig),
Vrzêsce	(Freist),
с. Châbrovo	(Charbrow), ¹⁾
Nieznáchovo	(Neznachow),
Szczenûrzi	(Schönehr),
с. Sorbsk	(Sarbske),
Lebinc	(Labenz),

(¹⁾ На югъ отъ этихъ селенiй можно еще, по словамъ жителей, найти по нѣскольку стариковъ, говорящихъ или понимающихъ по Камубски въ с. Garczégorz (Garzigar), с. Janojce (Jannowitz), Rôzgorze (Rosgars), Vełkovo (Vilkow), Pógorszovo (Puggerschow), Kaboła (Camelow), Kisovo (Küssow), Brzézono (Bresen), Pużice (Pusitz), Suchovo (Schwichow), с. Sólono (Saulin), Mързено (Merzno), Hejncovo (Enzin).

городокъ Леба ¹⁾	(Leba)
д. Żarnóvske	(Czernowski)
Babidól	(Babidol)
Dąbino	(Dambien),
Gąsco, Gąsa	(Speck).

Этотъ край есть центръ Померанскихъ *Кашубовъ*. Сюда же должно причислить рыбацью деревню Jizbice (Giesebitz) и деревушки Pażątka (Paschenik) и Zárpotok, лежащія по ту сторону рѣки Лебы, у самаго ея впаденія въ сомненное ей озеро, и отдѣляемая большимъ, непроходимымъ болотомъ отъ остальнаго населенія, живущаго на западной сторонѣ этой рѣки.

2. Между рѣкою Лебою и болотами, тянущимися вдоль ручья Пустыника, на югъ отъ Лебскаго озера.

с. Cécepowo	(Zezenow),
Vólĕnj	(Wollin),
Poblóce	(Poblotz),
Prębędowo	(Prebentow),
Dąrgolese	(Dargolese),
Vekósovo	(Vixow),
Rzúszcze	(Rus̄schitz),
.	(Zemmin),
.	(Czgorny),
с. Głoyczice	(Głowitz),
Knjícino	(Klenzin),
Vórblino	(Warbelin),
Szczipkójce	(Zipkow),
Duóchovo	(Dochow),
Zarátin ²⁾	(Grossedorf),
Siódlina	(Zedlin),
Bądzechovo	(Banskow),
.	(Rumske),
Równo, Rómno	(Rowen),
Skórzino	(Schorin).

⁽¹⁾ Словники производятъ это имя Ląjeba, Кашубы — łeba т. е. Weba.

⁽²⁾ Такъ (или Zarentin) называютъ эту деревню старики, а молодежь, заразившаяся, по ихъ словамъ, Нѣмецкимъ обычаемъ, уже употребляетъ названіе Vielko wieś.

Жители этихъ деревень известны подъ именемъ *Кабатковъ*.

3. На западъ отъ болотъ, въ которыхъ течетъ ручей Пустыникъ:

а) Деревни или, лучше сказать, деревушки изъ нѣсколькихъ рыбацкихъ хатъ (въ нѣкоторыхъ по двѣ, по три), между Лебскимъ и Гардненскимъ озерами, на морскомъ прибрежьи:

Klęki или Klęcizce	(Klucken),
Brinkenhof	(Brenkenhofsthal),
Las	(Lassen),
Lokc	(Lochzen),
Bollnc	(Bollenz),
Dambé	(Dambe),
Rodk	(Radike),
Czówpino	(Scholpin).
Chústa	(Chust).

б) Деревни между болотистымъ ручьемъ Пустыникомъ, впадающимъ въ югозападный уголъ Лебскаго озера, и рѣкою Лѣпавою (Lupow), впадающей съ востока въ Гардненское озеро.

Vierzchúcino	(Virchenzin),
Železe	(Selesen),
c. Smoldzěne	(Schmolsin),
Sécy	(Zietzen),
Vítkovo	(Vietkow).

в) Деревни въ уголкѣ между западнымъ берегомъ рѣки Лѣпавы, при ея устьѣ и Гардненскимъ озеромъ:

c. Vielgo Garnô	(Gross-Garden),
Malo Garnô	(Klein-Garden),
Kiersk	(Kerske),
Blótki	(Blotke),
Czlúchovo	(Schlochow),
Stojícino или	
Stówcino	(Stojentin),
Visuóko	(Wittstock),
Ráto или Rto	(Rotten).

Въ этихъ трехъ группахъ деревень Славянскіе жители называютъ себя *Словинцами*.

Числа Кашубскаго народонаселенія опредѣлить не могу.

Полагаю однако, что Кашубовъ (со включеніемъ Кабатковъ и Словинцевъ, которыхъ, впрочемъ, едва ли наберется двѣ или три тысячи, сохраняющихъ еще свой природный языкъ) должно считать около 200,000, можетъ быть нѣсколько больше.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь замѣчаніе о народномъ имени и прозвищахъ этихъ Славянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они первоначально носили всѣ имя Словинъ или Словинцевъ; теперь же оно сохранилось только на западной окраинѣ пространства, занятаго Померанскими Славянами, въ деревняхъ, отдѣленныхъ отъ прочихъ Кашубскихъ поселеній глубокими топями, такъ что, когда я спрашивалъ у Померанскихъ Кашубовъ о томъ, гдѣ живутъ Словинцы, имъ часто отвѣчали за *Wota* (за болотомъ). Этому разобщенію Словинцы (¹), вѣроятно, и обязаны сохраненіемъ древняго народнаго имени и многихъ старинныхъ словъ, которыхъ не слышно въ другихъ мѣстахъ. Имена *Кабатки* и *Кашубы* суть, очевидно, прозвища, заимствованныя отъ одежды, которая могла въ старину отличать жителей праваго и лѣваго берега рѣки Лебы. Ибо *кабатома* называютъ тамъ куртку (въ особенности такую, какую носятъ тамошнія женщины), а имя Кашубовъ. Кабатки теперь еще производятъ отъ слова *шуба* и рассказываютъ, что въ старину эти люди носили, вмѣсто верхней одежды, двѣ цѣлыхъ, невыдѣланныхъ овечьи шкуры, спитыхъ вмѣстѣ, безъ рукавовъ, шерстью наружу, которая надѣвались черезъ голову и висѣли на члѣвкѣ, какъ мѣшокъ: такой костюмъ называютъ тамъ *шубою* и говорятъ, что старики, недавно умершіе, помнили еще такіа шубы (²). Кромя названій Словинцевъ, Кабатковъ (³) и Кашубовъ

(¹) Померанскіе Словинцы не всегда произносятъ это имя въ полной его формѣ: *Slovinci*; часто они выговариваютъ *Slownci* (чит. Слоунци). Языкъ свой они всегда называютъ *Slovínsko* (рѣдко *Slověnsko*) *мова* или *szproka* (отъ *Wendische Sprache*). Въ Избицахъ я слышалъ также *Słavínski* вмѣсто *Slovínski*.

(²) Впрочемъ, Словинцы называютъ шубою всякое длиннополое верхнее платье.

(³) Жители деревень между великимъ «болотомъ» и Лебою, называютъ себя безразлично Кашубами и Кабатками, но чаще прилагаютъ къ себѣ первое наименованіе, второе же чаще дается имъ сосѣдами; языкъ ихъ всегда называется Кашубскимъ; выраженія «Кабатскій языкъ», я не слышалъ.

тамъ употребляется еще названіе *Польскій*, но только въ примененіи къ языку: именно, люди эти называютъ оной языкъ *Польскимъ* въ томъ смыслѣ, что они имѣютъ свои богослуженныя книги на Польскомъ языкѣ; я слышалъ часто такого рода выраженія: „Словинскій языкъ (или Кашубскій языкъ) и Польскій—это одно и тоже: книги у насъ Польскія, *обрядъ* (богослуженіе) Польскій“. Но Поляками прибалтійскіе Словинцы и Кашубы себя никогда не называютъ.—Въ деревнѣ Избицахъ я слышалъ, что дѣлали различіе между *Польскимъ* языкомъ, который отождествлялся тутъ съ Кашубскимъ, и языкомъ *Полмскимъ*, т. е. рѣчью Поляковъ въ собственномъ смыслѣ. „Мы говоримъ по-Польски, сказывали мнѣ, а *Polaska towa* другая“.

Есть ли какое нибудь существенное различіе въ языкѣ между Словинцами, Кабатками и Кашубами? Нѣтъ. Все различіе состоитъ въ большей или меньшей близости къ Польскому языку, что не имѣетъ однако связи съ этими народными наименованіями, а зависитъ исключительно отъ большей или меньшей близости, въ географическомъ положеніи, къ предѣламъ Польскаго народа. Такъ говоръ рыбаковъ въ деревнѣ Избицахъ на Лебскомъ озерѣ, строго отличающихъ себя отъ сосѣднихъ Кабатковъ и Словинцевъ и дорожащихъ именемъ Кашубовъ, совершенно сходенъ съ рѣчью Кабатковъ и Словинцевъ и весьма далекъ отъ рѣчи тѣхъ Кашубовъ, которые живутъ, напримѣръ, въ Косцержинскомъ округѣ. Одинъ только признакъ нѣсколько отличаетъ языкъ Словинцевъ отъ языка Кабатковъ и Кашубовъ и выставляется самимъ народомъ какъ его особенность, именно произношеніе твердаго *л*: Словинцы выговариваютъ его какъ среднее *l*, подобно южнымъ Славянамъ, Кабатки и Кашубы, какъ полугласное *у*, подобно Малороссіянамъ (въ концѣ слоговъ и словъ) и Верхне-Лужицкимъ Сербамъ; но это не даетъ права заключить о существованіи двухъ особыхъ нарѣчій у тамошнихъ Славянъ, ибо то же самое произношеніе *л*, какое мы встрѣчаемъ у Померанскихъ Словинцевъ, является въ самомъ центрѣ собственной Кашубіи, въ западной Пруссіи, въ с.

Своржевѣ (Schwarschau) и окрестныхъ деревняхъ, на сѣверъ отъ Пуцка (Putzig): оттого жители этой мѣстности носятъ у сосѣдей прозвище Bělěci (отъ произношенія bělъ вмѣсто bělъ т. е. бѣль — былъ). Близжайшее разсмотрѣнiе языка Словинцевъ Померанскихъ и Кашубовъ докажетъ намъ впоследствии, что онъ составляетъ одно нарѣчiе, остатокъ древняго языка прибалтійскихъ Славянъ, но остатокъ, на которомъ изгладилась отчасти своеобразная фiзиономiя этого языка, потому что онъ сохранился только на той пограничной чертѣ, гдѣ рѣчь прибалтійскихъ Славянъ сливалась съ Польскою. Что же касается до раздѣленiя на Словинцевъ, Кабатковъ и Кашубъ, то я вижу въ немъ слѣдъ древняго раздѣленiя Славянскихъ народовъ на мелкія племена, раздѣленiя вовсе не сопряженнаго однако съ различiемъ въ языкѣ. Въ употребленiи одного только слова Словинцы постоянно отличаются отъ Кашубовъ, и народъ самъ это замѣчаетъ. Словинцы говорятъ всегда *cerkev, jida dó cerkve*, а Кашубы этого древняго слова не знаютъ и употребляютъ Польское *kościół*. Впрочемъ, и у Кашубовъ въ Померанiи я слышалъ *cerkviscege* вмѣсто Польскаго *świątynia* (кладбище); въ западной Пруссiи Кашубы чаще употребляютъ это послѣднее выраженiе.

II.

Различiе положенiя Славянской народности въ Померанiи и въ Западной Пруссiи.

Черта, отдѣляющая Западную Пруссiю отъ Померанiи, давно уже не обозначаемая никакою таможенною и замѣтная только на картѣ, тѣмъ не менѣе весьма важна относительно Славянской народности. У Кашубовъ на правой (восточной) сторонѣ этой черты въ Западной Пруссiи, народность Славянская еще довольно жива и сильна; на лѣвой, западной сторонѣ, въ Померанiи, она вымираетъ совершенно, и вѣроятно исчезнетъ безъ слѣда прежде пятидесяти лѣтъ. Причина тому вѣстѣ и политическая и религiозная. Западная Пруссiя до 1772 года принадлежала Польшѣ и хотя подъ Польскимъ владычествомъ Нѣмецкая сти-

хія уже вполне владѣла торговыми центрами на устьѣ Вислы, Гданскомъ, и его окрестностями, однако въ бѣдныя, лѣсистыя и песчаныя деревни Кашубовъ она проникнуть не успѣла. А со времени присоединенія Гданскаго поморья (1) къ Прусской державѣ, напоръ Нѣмецкой стихіи въ эту сторону также еще не вполне развился. Онъ направлялся преимущественно въ болѣе богатый Познанскій край. Такимъ образомъ, бѣдная, непривлекательная Кашубія, хотя уже 90 лѣтъ подвластная Пруссакамъ, менѣе подверглась водворенію Нѣмецкихъ колоній и германизации, нежели самая колыбель Польши, область Познанская, только съ 1815 года присоединенная къ Пруссіи (2). Между тѣмъ, восточная Померанія уже со времени Вестфальскаго мира вошла въ составъ государства Бранденбургскаго; въ этомъ краѣ Нѣмецкая стихія господствуетъ уже цѣлыя столѣтія (3), и не удивительно, что Славянская народность находится тамъ совершенно въ другомъ состояніи, нежели въ Западной Пруссіи.

Видѣть съ политическимъ вліяніемъ дѣйствовало и религиозное. Кашубы въ Западной Пруссіи, находясь подъ властію Польши, удержали Римско-католическую вѣру; Кашубы въ Помераніи, издавна входившіе въ составъ Германской имперіи, были обращены въ протестантизмъ, ббольшею частію въ XVII вѣкѣ. Хотя, вообще, протестантизмъ также мало можетъ быть названъ враждебнымъ сохраненію Славянской народности, какъ католицизмъ ей благопріятнымъ (4), однако у Кашубовъ оба

(1) Гданскій поморье или Королевскими Прусами (Prusy królewskie) назывался этотъ край подъ Польскимъ владычествомъ. Этотъ край, какъ извѣстно, отвоеванъ былъ Польшею у Прусскаго Ордена въ XV столѣтіи и уступленъ ей Торунскимъ договоромъ 1466 года.

(2) Которое съ тѣхъ поръ получило наименованіе Западной Пруссіи.

(3) Я не говорю о временномъ первомъ присоединеніи Великой Польши къ Пруссіи при раздѣлѣ 1793 года.

(4) Она была господствующею въ Помераніи еще при туземной, Славянской династіи (пресѣкшейся въ 1637 году).

(5) Мы видимъ, напротивъ, у Чеховъ и Словаковъ, что протестантизмъ былъ тамъ всегда благопріятенъ Славянской народности, а католицизмъ, напротивъ, постоянно убивалъ ее.